

ИСТОРИИ

«Он не стал бы подвергать нас риску»
Почему дочь арестованного физика
Анатолия Губанова не верит в его
госизмену

09:58, 29 декабря 2020 · Источник: Meduza

Фото: Архив семьи Губановых. Анатолий Губанов

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

2020 год запомнился не только ковидом, протестами в Беларуси и отравлением Навального, но и целым ворохом дел по статье о госизмене. В июне обвинение предъявили президенту Арктической академии Валерию Митько, в июле — бывшему репортеру «Коммерсанта» Ивану Сафронову, в октябре — ученому и пенсионеру Александру Луканину. По данным «Новой газеты», за последние 20 лет в России за шпионаж, госизмену и разглашение гостайны приговорили около 400 человек; среди них есть как военные и сотрудники спецслужб, так и ученые, журналисты и даже домохозяйки. В начале декабря в госизмене обвинили физика Анатолия Губанова — доцента Московского физико-технического института (МФТИ), сотрудника Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) и специалиста по сверх- и гиперзвуковым самолетам. По данным источников ТАСС, его подозревают в передаче неназванным государствам секретных разработок в области авиационной промышленности. Спецкор «Медузы» Светлана Рейтер поговорила с его дочерью Марией Губановой⁽¹⁾ о том, как родные восприняли арест и почему не верят в его измену.

Мария Губанова

— Можете рассказать о вашем отце?

— У меня четверо детей, я своей семьей занимаюсь лет девять, может, десять. Отца сейчас вижу редко. Нам этим летом очень повезло: удалось провести много времени вместе, мои дети с дедом и в саду работали, и детский комплекс строили, и за питомцами домашними ухаживали. Я считаю, это большое везение — когда мы были детьми, а нас в семье пятеро, у отца не хватало времени на нас. В стране был кризис, 1990-е, работать много приходилось и ему, и маме. Они смогли нам всем пятерым помочь получить высшее образование — мне кажется, это и родителям было важно, и нам.

— И вы все — специалисты в области авиационный техники?

— В Жуковском, где мы живем, есть отличный вуз, филиал МФТИ — факультет аэромеханики и летательной техники (ФАЛТ)⁽²⁾ МФТИ. Родители там учились, нам тоже удалось туда поступить. Один из моих братьев сейчас учится в МГТУ имени Баумана — у него, видимо, будет немножко другое направление.

— Вы могли предположить, что тематика, которой занимается ваш отец, может быть опасной?

— Я понимала, что его работа секретна. Мы в семье даже никогда не обсуждали то, чем он занимается. Мы знали, что это серьезно, это секретно. Вот и все.

— Ни разу, ни слова? Даже за семейным обедом?

— Нет, никогда. Мы все знали, что это серьезно, нам даже в голову не приходило спрашивать.

— Насколько я понимаю, ваш дед тоже серьезно занимался авиацией.

— Да. Мой дедушка, Шкадов Леонид Михайлович, работал в ЦАГИ, руководил перспективными исследованиями. Потом он работал заместителем министра авиационной промышленности — совсем недолго. У него, кажется, уже к тому времени были два инфаркта, он ушел с поста и вернулся в ЦАГИ.

ФСБ против государственника Новое дело о госизмене: 78-летнего исследователя Арктики подозревают в продаже секретных данных Китаю. Ему грозит до 20 лет тюрьмы

— **Как арестовали вашего отца?**

— Насколько я понимаю, это было неожиданно не только для нас, но и для него самого — он не успел сориентироваться, не успел пригласить адвоката, у него даже не все документы с собой были. Это было 3 декабря — мы все живем в разных местах, отец был у моего брата. К обеду я узнала, что отец задержан.

— **Как вы об этом узнали?**

— От мамы. Они с отцом тогда жили отдельно — мама только-только перенесла коронавирус, а мы отца очень сильно оберегали, он строго соблюдал изоляцию. Когда за ним пришли, он успел позвонить маме и сказать: «Похоже, меня будут задерживать». Мама позвонила нам. Никто ничего такого и близко не ожидал.

— **Чем вы занимались дальше?**

— Параллельно с текущими делами — отвести детей в школу, забрать детей из школы — мы стали думать,

к какому адвокату обратиться. Для нас это был первоочередной вопрос. Знакомые посоветовали нам обратиться к Ольге и Дмитрию Динзе — мама с ними познакомилась и заключила соглашение. Нам их порекомендовали знакомые как прекрасных и опытных адвокатов, семья их выбрала. До этого времени у отца был адвокат по назначению — Игорь Николаев.

— Почему вы раньше не общались с прессой?

— Было очень страшно навредить отцу.

— Чем он занимался в последнее время в ЦАГИ?

Писали, что он изучал работу авиационной техники на гиперзвуковых и сверхзвуковых режимах

— Я читала об этом в интернете, мы с ним этот вопрос не обсуждали. Я знаю, что его направление — гиперзвук. Когда я была на выставке МАКС [Международный аэрокосмический салон] у нас в городе, мы проходили с отцом мимо каких-то выставленных штук, он показывал: вот это наш, вот этим мы занимаемся.

Встреча в ЦАГИ с партнерами по проекту гиперзвукового гражданского самолета HEXAFly-INT. Марко Марини (CIRA, слева) и Анатолий Губанов, 2015 год

ЦАГИ

— Когда вашего отца арестовывали, удалось ли вам с ним пообщаться?

— Нет. Все материалы по этому делу засекречены, по закону никого из нас и пустить не могли. Сразу стало понятно, что пытаться бессмысленно.

— Вы надеялись, что вашего отца отпустят под домашний арест. Почему?

— Ему 63 года, у него серьезное онкологическое заболевание — b-клеточная лимфома, которую обнаружили в 2008 году на третьей стадии. Отца лечили несколько лет в институте Герцена, долго было

непонятно, вылечится он или нет. К счастью, получилось — у него ремиссия. Но если он будет находиться в неблагоприятных условиях, в повышенном стрессе, рецидив неизбежен.

Еще когда его лечили, было понятно, что отца очень сильно подорван иммунитет — курс химиотерапии приходилось прерывать из-за постоянных воспалений легких. Воспаление лечили, возобновляли химиотерапию — выматывающая периодичность.

А когда лечение закончили, он еще несколько раз болел пневмонией — один раз плевральной, с заполнением легких жидкостью.

Он очень себя потом берег, каждый день мерял температуру — еще когда никакого коронавируса не было. Когда началась пандемия, он стал следить за своим здоровьем еще внимательнее и постоянно принимал лекарства, чтобы опять воспаления не было. И сейчас это наше самое большое опасение: он может заболеть пневмонией — и из-за коронавируса, которым он еще не болел, и из-за обычной простуды. Он сидит в СИЗО «Лефортово», в стрессе, его мозг постоянно чем-то занят — он может пропустить момент, когда заболеет.

— И под домашний арест его не отпустили.

— Нет. Я не знаю почему. Мы собрали все документы, какие только можно — и медицинские, и формальные — где он может жить, кто будет следить, и что

задолженностей по коммунальным платежам нет, а соседи на него никогда не жаловались. Все собрали, ждали решения.

— **Рассчитывали на положительное?**

— Мы были уверены, что у суда будут все основания принять законное и обоснованное решение изменить меру пресечения.

— **Вы с ним переписываетесь?**

— Мы посылаем письма, от него вестей нет. Мы, конечно, стараемся писать побольше, чтобы подбодрить, поддержать.

— **В чем обвиняют вашего отца?**

— Статья 275-я, госизмена.

КАРТОЧКИ «МЕДУЗЫ»

В России еще сильнее ужесточают понятия госизмены и шпионажа. За что еще будут сажать?

— **И никаких деталей?**

— Никаких, ноль.

— **Вас на допрос вызывали?**

— Пока нет.

— В прессе писали, что на одном из первых допросов ваш отец частично признал свою вину.

— В чем конкретно его обвиняют, мы понятия не имеем. Но я его знаю хорошо, и представить себе не могу, что он мог пойти на госизмену и причинить умышленный вред безопасности своей страны. У него большая семья, мы все живем близко к Москве, в области, не на Камчатке и не на Чукотке. Он не стал бы подвергать нас риску.

Потом, он всегда, всю свою жизнь, сразу после окончания института работал в ЦАГИ. Когда в 1990-е годы ему не платили зарплату, он ЦАГИ все равно не бросил, хотя надо было нас всех кормить. У него не было абсолютно никакого мотива для того, чтобы совершать преступление против своей страны.

Я могу предположить, что частичное признание вины обусловлено отсутствием у него специальных познаний в области юриспруденции.

СЛУШАЙТЕ ТАКЖЕ

Журналиста Ивана Сафронова подозревают в госизмене. Почему эти обвинения абсурдны?

— Вы следите за уголовными делами других обвиняемых по статье о госизмене?

— Нет, не следим, и с их родственниками не общаемся. Мне кажется, обстоятельства у всех разные и если это секретные дела, какое тут может быть общение?

Аналогии здесь проводить нельзя, да и зачем?

Мы делаем то, что от нас зависит: собираем бумаги, отправляем в СИЗО передачи — с едой, с лекарствами.

— **В каком состоянии ваша мама сейчас?**

— Грустит, у нее депрессия. Я надеюсь, что мы ее сможем поддержать.

— **Вы верите в какой-то счастливый исход дела вашего отца?**

— Да, мне хочется верить, я верю. Но я готова к тому, что мы разлучены надолго — это не дело одного месяца.

Сейчас я надеюсь только на то, что мой отец останется здоров. Я пишу отцу раз в три дня — чтобы он не чувствовал себя покинутым, чтобы знал, что все в порядке, что мы его поддерживаем. Я бы еще хотела добавить, что отец был уникальным специалистом в своей области, и что теперь, возможно, его вообще некому заменить.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Рыцарь против ФСБ Как адвокат Иван Павлов защищает людей, обвиненных в госизмене. Репортаж Даниила Туровского

Беседовала **Светлана Рейтер**

(1) Чем занимается Губанова

Как и отец, она работает в ЦАГИ, но сейчас находится в отпуске по уходу за детьми.

[Вернуться к тексту.](#)

(2) ФАЛТ

С 2019 года — Учебный и научно-исследовательский центр по аэромеханике и летательной технике (УНИЦ АЛТ).

[Вернуться к тексту.](#)